

ЕКАТЕРИНА АСМУС

Производство знаний

РАСКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

Екатерина Асмус

**Производство знаний.
Рассказы и повесть**

«Издательские решения»

Асмус Е.

Производство знаний. Рассказы и повесть / Е. Асмус —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854635-8

В данный сборник вошли рассказы о школе времен СССР и повесть «Сухая ветка», посвященная современной школе; отношениям учеников и учителя; проблеме отцов и детей; борьбе поколений; противостоянию политических взглядов. В основу этого произведения лег сценарий, по которому в 2015 году был снят российский художественный фильм «Училка», завоевавший более 20 призов российских кинофестивалей. Заглавную роль в фильме исполнила Народная артистка РФ — Ирина Петровна Купченко.

ISBN 978-5-44-854635-8

© Асмус Е.
© Издательские решения

Содержание

Производство знаний	6
Голова вождя	6
Перстень с малиновым камнем	9
Тело вождя	10
Аскольд Семенович	12
Счастливый человек	14
Сухая ветка	17
Саженец	18
Утро. 08:15	20
Почва	21
Утро. 08:30	22
Утро. 08:45	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Производство знаний Рассказы и повесть

Екатерина Асмус

Иллюстрации Нина Лисина

© Екатерина Асмус, 2019

ISBN 978-5-4485-4635-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Производство знаний

Голова вождя

- Да поймите же вы, мы не можем ее принять!
- Но она полностью к школе подготовлена, на каком основании вы мне отказываете?
- А на каком основании девочку вашу перевели в детском саду через группу? Они там неизвестно что выдумывают, а вы куда смотрели?
- Сказали, что ребенок развитый. Нет смысла в «старшей» группе год тратить, а нужно сразу в «подготовительную».
- Развитый? И кто это сказал? А вы и растаяли! А как в школу отдавать – подумали? Нет! Вот и сидите сами с ней еще год, пока семь лет не исполнится.
- Но мне сказали, что проблем не будет, ей же семь исполняется в конце сентября!
- Сказали, ну надо же! Тут учебное заведение! И правила устанавливает РОНО!
- И что же теперь делать? Я работаю, ребенка дома одного не оставишь...
- Не знаю! Раньше нужно было думать! Никаких исключений мы не делаем, и не ждите!

Ни для кого.

- Но тут недалеко французская школа, они принимают с шести, я слышала.
- Не знаю, кого они там принимают, и знать не хочу! Раз такие знающие – вот и ведите туда.
- Но дочка еще маленькая, сама ездить не сможет, а мне на работу рано, я отвезти не успею...
- Женщина! Я же вам русским языком говорю, исключений не будет! Это ваши проблемы! Все, разговор окончен.

Завуч районной школы. Кримпленовый голубой костюм. Пергидроль. Знаменитая прическа под названием «хала» на голове. Синие тени, вмазанные в морщинки у глаз и розовая помада. Почетный методист. Социальный работник в подведомственном социуме.

Бетонный серый прямоугольник школы зыблется посреди грязной лужи и глиняных валов. Район новый: пустырь, три дома. Наконец-то квартира, кооперативная. А главное – школа рядом, пять минут ходьбы. Сама Аська дойдет и провожать не нужно. Школа, правда, обычная, без всяких уклонов, но это не важно, в Советском Союзе для всех хорошее образование, слава Богу.

Лидия Сергеевна поднялась со стула.

– Спасибо. Я все поняла.

В дверях кабинета завуча она остановилась и обернулась.

– Интересно как у вас вестибюль оформлен. Мозаикой.

– А это наш директор, – вдруг оттаяла завучиха. – Своими руками выложил смальтой портрет Вождя! Удивительный человек!

– А... Понятно. Ну что ж, всего доброго!

Покинув кабинет заведующей учебной частью, Лидия Сергеевна двинулась по коридору, но не на выход, а совершенно в обратном направлении. Интуиция привела ее прямехонько к кабинету директора. Эх, была, не была! Хуже не будет. Немного помешкав, она постучала.

– Войдите! – сказала дверь глубоким басом.

Изнутри директорский кабинет выглядел шикарно – светлая велюровая мебель, массивный лакированный стол. Два больших окна с желто-оранжевыми занавесками придавали помещению солнечный и радостный вид. Несметное количество вымпелов, кубков и флажков на полках. Сам хозяин кабинета покоился в удобном кресле. За спиной у него виднелся весьма

габаритный портрет Вождя в тяжелой богатой раме. Менее масштабные полотна с изображениями Вождя и его соратников, были развешены по периметру кабинета.

– Присаживайтесь, – прогудел хозяин, благодушно глядя на миловидную и элегантную посетительницу. – Слушаю вас.

– Добрый день. Я увидела внизу мозаику, поинтересовалась – кто автор. Говорят – вы. Зашла как художник к художнику. Не часто встретишь директора школы, который сам занимается оформлением.

– Спасибо, приятно услышать похвалу от профессионала! – растекся директор. – Я ведь так, по-любительски... Хотя в художественной школе учиться довелось. А вы, простите, в какой области?

– Я дизайнер. Специалист по интерьеру – скромно улыбнулась Лидия Сергеевна.

– О! Какая интересная профессия! А можно вопрос к специалисту? Видите ли, у нас здание новое, пустовато как-то, стены голые.

– А давайте посмотрим ваши владения? – внезапно предложила Лидия Сергеевна, легко поднимаясь с кресла.

– Да? А это удобно? Я отниму у вас время, вы не торопитесь?

– Нет. Сегодня у меня на работе вечерние часы. Пойдемте.

Следующие шестьдесят минут они колесили по школьным коридорам, взбирались на этажи, спускались с этажей, под непрерывную директорскую похвальбу. Школе всего год, а она уже носит звание «лучшей школы района». Совет ветеранов. РОНО. Обком. Исполком. Комитет ВЛКСМ. Все одобряют. Хвалят. Поощряют. Награждают.

Остановились под смальтовой головой Вождя.

– А у вас Лидия Сергеевна есть дети? В каком классе?

– В том-то и дело, что еще ни в каком. Нужно в школу поступать.

– Да? И в какую?

– А вот, проблема возникла – не берут нас никуда!

– Это почему же?

– Ей семь лет в конце сентября исполняется, говорят – ждите год. А она уже и читает и пишет!

– Да, что вы? Такой ребенок развитый?

– Да, вот и в саду говорили... А теперь – неразрешимая проблема.

– А вы приводите к нам! Мне способные дети очень нужны. РОНО за успеваемостью строго наблюдает.

– Я бы и рада, но отказали.

– А у кого вы спрашивали?

– У завуча, конечно, как положено, – мстительно сообщила Лидия Сергеевна.

– Ох, уж эти мне методисты. Все по букве! Но с другой стороны – правильно. Как говорить, лучше перебдеть чем недобдеть, верно? – директор засмеялся, потирая руки. – Несите документы. Прямо ко мне.

– А они у меня с собой.

– Ах, вот как? Отлично. Давайте. И приходите первого сентября. Я сам передам ваши бумаги.

– Спасибо вам огромное! Вы меня очень выручили. Школа в нашем дворе, ходить сама будет. – Лидия Сергеевна облегченно вздохнула и улыбнулась.

– Ну, конечно, о чем вы. Так, насчет оформления стендов в рекреациях мы договорились, да?

– Да, да, конечно!

– Ну, до свидания, очень рад был знакомству!

– Всего доброго! И спасибо вам еще раз!

В вестибюле, под мозаичной головой Вождя, Лидия Сергеевна остановилась, прикидывая: восемь стендов в каждой рекреации. Это, соответственно, шестнадцать на этаж: на этаже по две большие рекреации. А этажей – четыре.

Итого, простая арифметика: пятьдесят шесть бесплатных бессонных ночей!

Перстень с малиновым камнем

В рекреациях четвертого этажа бегают первоклашки. В каждом классе по сорок пять человек. Больше нельзя. А меньше не получается. Новый микрорайон большой, школа в нем пока одна. Дети дерутся портфелями, иной раз кто и зуба лишится. Катаются на скользком линолеуме, с визгом съезжают по перилам. Молодые красивые учительницы на переменках красят ногти, веки и ресницы, запершись в кабинетиках. Наставляют питомцев: «Не шалите!» Но, куда там, насидевшись сорок пять минут на уроке, дети лавиной вырываются в коридор – бегать. Со стен на шалунов сурово взирают пионеры-герои: Зоя Космодемьянская, Леня Голиков, Зина Портнова. На линейке, седьмого ноября, детишкам долго объясняли, что первые пионеры умерли в борьбе с врагами коммунизма. Малышня слышит про этих врагов каждый день по телевизору и от бабушек с дедушками. Весь мир против коммунистов. И пионеры-герои жизнь отдали в борьбе. За наше светлое настоящее и будущее. На них нужно равняться. Им нужно подражать. То есть, если что – погибнуть за коммунизм. Первоклашки готовы, как один. Уже и на отряды их разбили, чтобы воевать. Пока – не вправду, а на всякий случай. Аська в отряде «Гренада». Его девиз: «Если партия скажет: «Надо!» – «Есть! Ответит отряд «Гренада!»

Пионеры – герои сурово смотрят со стен: не подведите, преемники! Не смотрит только Павлик Морозов. Какой-то безобразник булавкой выколол глаза его изображению.

Самый худший класс по поведению – «Е». Хулиган на хулигане. Классные дамы меняются у них каждые полгода – больше никто не выдерживает. А самый лучший класс – «В»! «Классная» у них – злая-презлая, старая-престарая. Никто никогда не видел, как она улыбается. На ее уроках стоит гробовая тишина. На переменах подшефные неизменно ходят парами по кругу. Все бегают, дерутся и орут, а первый «В» – молча, по кругу. Елена Васильевна, приземистая, почти квадратная, с неизменным шиньоном на голове, топорщащимся шпильками, словно старый ёж. В туфлях на толстых каблуках, а платье – длинный бесформенный кримпленовый мешок темно-бордового цвета. На смену такое же, но синее. В ушах Елены Васильевны крупные серьги с яркими малиновыми камнями. На толстом среднем пальце правой руки – массивный перстень, явно в комплекте к серьгам. Зимой и летом, серьги и перстень с ней, при ней. Голос каркающий, громкий – слышно издали. Родители боятся Елену Васильевну не меньше, чем дети. Что и не мудрено, она – заслуженный учитель, методист, член партии с 1938 года. Она может сделать любому ученику столько неприятностей, сколько захочет. РОНО молится на нее – в ее классе показатель успеваемости зашкаливает. Дети никогда не жалуются на эту учительницу. Сидят тихонечко, слушают внимательно, на переменах не шалят. Феномен! Предмет зависти всех учителей младших классов. Загадка. Недоступные методики. Миф.

Миф рассеялся в 1988 году. Одна из бывших «вэшек» призналась, что за малейшую провинность каждый из них мог получить тяжеленным перстнем по голове, изо всех коммунистических сил заслуженного учителя. Под волосами синяки были не видны, а жаловаться дети не смели, опасаясь более жестокой расправы.

Елена Васильевна, как выяснилось, до войны работала в охране.

Тело вождя

История – по вторникам и четвергам первым уроком. Аська на первом уроке обычно еще «не включилась». Подъем в восемь – и бегом, собираться. Сознание сонное, прерывистое, спасает только каждодневное однообразие действий – автопилот. Еще помогает радио: «Здравствуйте! Начинаем пионерскую зорьку!» Это значит, что нужно срочно допивать чай и доедать бутерброды. Иначе опоздаешь в школу. А все равно опоздаешь, как не крути. В последний момент портфель оказывается не собранным, или вспоминается нечто важное типа макулатуры или лыж, а то еще – нет чистых колготок, подметка у сапог оторвалась, ну мало ли... Мама уходит раньше. Помочь некому. Утешать – тоже. Бредешь под снегом и дождем в крошечной темноте по грязи и лужам, по сугробам, глотаешь мороз

Если дежурные сразу дневник не отберут, то все равно историчка изругает. Тишь школьных коридоров, при приближении к кабинету истории наполняется скрипучими надрывными звуками. Это орет учительница Варвара Андреевна.

– Идиоты! Уроды! Дебилы! – раздается громогласное. – Колония по вам плачет!

Тут обреченно всовывается в дверь опоздавшая Аська.

– Можно, Варвара Андреевна?

– О! Явилась! Ну, и что ты здесь забыла Воскресенская? Таким как ты не место среди пионеров! Ты – позорище советского государства. Кормит оно вас, поит, обувает, одевает. Учит вас, тратит на вас народные деньги! А толку? Кем вы будете, когда вырастете, а? Уголовниками, вот кем!

– Простиите, Варвара Андреевнаааа, ну простиите, – канючит будущая уголовница, топчась у дверей.

– Дневник на стол! Два за поведение! Родителей ко мне! Садись! Пусть отец придет, Воскресенская, слышь, ты?

– У меня нет отца....

– О! Безотцовщина! О чем твоя мать думала, когда тебя рожала. Как есть – станешь уголовницей!

– Он был раньше, а потом...

– Вот! Позорище! Моральный облик советского человека поганите! За вас кровь в войну проливали, а вы... Ты, Воскресенская скажи своей матери, чтобы она тебя в школу водила за ручку, как первоклашку, если ты сама не можешь никогда вовремя прийти.

Угодливое хихиканье класса, шепоток: «Шестилетка, малышня сопливая, младенчик, давай пеленочки поменяем, мамочку позовем!»

Горячий жар стыда, щеки красные. Руки ледяные. Остается только приложить лед к пламени. Но насмешники зря стараются, шум в классе – только повод для дальнейшего крика. Сейчас всем достанется.

– Ну и что ты Сергеев ржешь как конь? Думаешь, что тебя обезьяна целует и радуешься? Мартышки безмозглые!

Еще минут десять в таком же духе и начинается разбор нового материала:

«Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что Февральская революция свергла монархию в России, монархия сама пала, её никто не защищал... Большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла довершить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое».

Примерно каждое шестое слово – «большевики», примерно каждое десятое – «Ленин». Великий вождь. Строитель социализма. Вдохновитель коммунизма. Победитель царского

режима. Его детское лицо с кудряшками ангелочка у каждого октябренька на груди. В железной звездочке. Или в пластиковой, если повезет достать. Его взрослое лицо в каждом кабинете – огромных размеров и в солидных рамах. Гигантские транспаранты на домах. Громадные скульптуры, изображающие вождя в различных позициях. В каждом журнале, в каждой газете – его портрет или статья о нем. Ежедневно в новостях – по всем каналам. В каждом городе многонациональной страны есть улица имени его. А то еще и не одна. Предприятия и станции метро – имени «Ленина», «Ульянова», «Ильича». Даже когда историчка рассказывает про египтян или древних греков она ссылается на строчки из трудов Ленина. И так – каждый учитель. Удивительно много написал Владимир Ильич. Аська как-то видела полное собрание его сочинений – целая стена в библиотеке. А сейчас тело вождя лежит в Мавзолее. Потому что он такой великий человек, что зарыть в землю его нельзя, словно обычного гражданина. Его нужно показывать всем желающим, пока таковые не иссякнут. А их все больше и больше, об этом говорит нескончаемая очередь, толпящаяся у Мавзолея в Москве на Красной площади, целыми днями, при любой погоде.

Аська не видела Ленина. Ей кажется – страшно смотреть на покойника.

Аскольд Семенович

Любимая математичка Аллочка уходила в декрет. Седьмой класс как-то не верил, что учительница, бывшая с ними на протяжении целых трех лет неразлучно, вдруг куда-то уйдет. Ощущение, что Аллочка принадлежит еще кому-то, возмущало детские души. Но растущий животик симпатичной молодой учительницы утверждал обратное. И вот, однажды она исчезла бесследно. Наступили безмятежные дни безделья. Замены не было месяца три. Но как-то раз, ярким весенним утром в классе возник он. Высокий, прямой. С длиннющей седой бородой, белой лохматой головой, в крошечных круглых очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные серенькие глазки с прищуром смотрели поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая рубаха, допотопные сандалеты на босу ногу... Он был похож на картинку из учебника, где изображались самые неимущие слои населения послевоенного периода. Но уж никаким образом не на учителя. С нашей, тринадцатилетней точки зрения, лет ему было примерно сто! На доске огрызком мела он накарябал «Аскольд Семенович Собакин». Класс вымер. Даже хихикать не стали, настолько это было все нелепо и никак не вязалось с настоящим временем. А между тем, учитель математики Аскольд Семенович оказался весел как птичка. Он не задавал заданий. Он не объяснял материал. Он редко кого-то вызывал к доске. А все классное время проводил в длиннейших разглагольствованиях на самые разные темы. Монолог этот проходил под мерное жужжание сорока двух детских голосов, потихоньку обсуждавших свои дела. И вновь наступили безмятежные дни безделья. Средняя школа валяла дурака, математики как бы и не было. Старшие классы, как выяснилось, тоже не утруждались этим предметом. Аскольд Семенович лихо загибал анекдотики на уроках, обращая преимущественно к хорошеньким старшеклассницам. Причем, анекдотики были рискованные, на грани, так сказать, приличествующих в школьных стенах. Гром грянул внезапно. Под конец года началась зачетная неделя. Аскольд Семенович радостно, по-детски улыбаясь, выставил тридцать двоек и двенадцать «трояков» особо старательным зубрилкам, которые, как выяснилось, все же умудрялись самостоятельно заниматься. Настроения ему это не испортило нисколько. Под возмущенные крики и слезы бездельников он выплыл из класса ровно по звонку, секунда в секунду. Привычки задерживаться для выдачи домашнего задания у него не было. Неизвестно, что было бы, если бы сплетня о двойках по математике у половины старших школьников, долетела бы до РОНО. Но, к счастью, внезапно в ситуацию вмешался директор, испугавшись глобальной порчи общих показателей школы. Какое объяснение произошло в директорском кабинете – неизвестно. А известно лишь то, что на следующий день, поутру Аскольд Семенович вплыл в класс с неизменной радостной и детской улыбкой на заросшем седой бородой лице и сообщил, что все двоечники получают тройки «авансом». А пересдача назначена после летних каникул. Ну, а в следующем году я уже была в другой школе. Что забавно – в математической.

И вот, на зимней заснеженной трамвайной остановке стоит – он! Без малого – тридцать лет прошло! Высокий и прямой! Длиннющая седая борода реет по ветру, белые волосы разлохмачены... В крошечных прямоугольных очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные серенькие глазки с прищуром смотрят поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая куртка, боты «прощай молодость»... Впервые я увидела его жену – крошечную, согбенную от прожитых лет и болезней, в очках с огромнейшими линзами, в безнадежно старомодном пальто. Они стояли, на фоне серой небесной дымки, как скульптурное изваяние, держась за руки, абсолютно неподвижно и спокойно. Он возвышался над ее сторбленной фигуркой, будто столп каких-то мифических устоев вымышленной страны. Казалось, они парили вне времени и пространства, словно пришельцы из иного измерения, случайно проявившиеся в это время на этом месте. Мне нестерпимо захотелось

подойти. Подойти и спросить. Но я не двинулась с места. Потом – вошла в другую дверь подошедшего трамвая.

Спросить.... «Ну, а вы-то, почему отсюда не уехали!?»

Счастливым человеком

У нас, в Императорском училище глухонемых сегодня с утра все волнуются, будто первоклассники. Хотя, какие мы теперь «императорские»... Уже с восемнадцатого года мы «Петроградский Институт глухонемых»! Институт! Уму непостижимо... Нам бы питомцев своего класса бы до третьего в знаниях дотянуть. Об институтском образовании тут никто и не мечтает. Годам к четырнадцати если писать-читать обучатся, так настоящая педагогическая удача. Детишки-то запущенные к нам поступают. У нас ведь прием с семи, как в обычной школе... А до семи? То-то... В первый класс иных ребятшек чисто зверенышами притаскивают, с ними же дома совсем общаться не умеют. Так, пока обогреем, пока приголубим, а уж потом и учить. Главное ведь профессию в руки дать! Из наших воспитанников многие к ремеслу и рукоделию способны. Хорошо, если ребенок просто немой или слабослышащий. С этими еще как-то дома справляются. А остальные? Вот, к примеру, в моем классе – девять учеников. Просто глухонемых всего четверо! А еще – три олигофрена и два дауненка – Машенька и Коля. Вот, и учим всех вместе, а что делать... А тут переименовали нас в «Институт». И смешно и грешно, ей, Богу.

А Машеньку мы, похоже, не адаптируем... Придется ей, все же, в интернат... Печально! Но после истории с гербарием, мне ее тут не удержать. Приказ уже подписан, ничего не поделаешь... Хотя и просила я директора, но он ни в какую. Никак не убедить мне его, что Машенька не нарочно. Но хомячат, конечно, до слез жаль! Кто бы мог подумать, что наш ботаник, милейший Иван Валерианович ненароком причиной несчастья станет. Он им гербарий собирать задал. Мы все радовались – на дворе осень, листьев желтых, красных, оранжевых на улице сколько хочешь. А какие красивые! Детишки наши собирали, старались. Потом аккуратно так в книжки закладывали и сверху стопку из других томов ставили, чтобы растения ровно между книжных листов засохли, без морщинки. Ну, и через неделю начали вынимать листики и показывать на уроке, хвастаются, радуются, сравнивают – у кого гербарий лучше. А Машенька как свой показала, так все и замолчали... Стоим и не знаем, что делать-то? В живом уголке как раз недавно хомячиха детишек родила. Ну, Машенька и решила, что из них хороший гербарий получится. И как мы только не уследили! А Иван Валерьянович как расстроился! Просто сон потерял.

Ну, да ладно, отвлеклась я, грустное вспомнила, а сегодня-то – ежегодная проверка! Инспекция!! Будет ходить группа «товарищей проверяющих» по всему зданию, проверять чистоту, затем пообедают в столовой вместе с учениками, чтобы оценить, насколько хороша у нас кухня. И на любой урок могут зайти, без предупреждения. Только бы не ко мне! Уже три дня, как я приболела, хожу с температурой, кашляю и нос красный! Не хочется перед инспекторами в таком неприглядном виде выступать, тем более, что гнусавлю я из-за насморка. А тут ведь как? Глухонемые-то ладно. Они все равно – дактилем. А слабослышащие? Те к выговору педагога привыкают и любую чужую речь по этой самой школьной привычке потом равняют. Вот и доказывай комиссии, что у меня вообще-то нормальное произношение, а не «французский прононс». Не то получится как с Ниниш, моей подругой Ниной Павловной. Очаровательная, веселая, ребят обожала. И очень знающий педагог. Специальные курсы закончила, по психологии детей с сочетанной патологией развития. Когда папа (он у нас завучем служит, папа мой) взял ее на работу, мама не один месяц озабочено хмурила лоб. Не любит она молодых учительниц, как не крути. А детишки сразу Ниниш полюбили. Она так мило картавила! Наша мужская педагогическая половина была покорена ею поголовно и бесповоротно. И вот, нагрянула в прошлом году комиссия. Зашли к Ниниш на урок. Слушали долго. А потом с детьми решили побеседовать. А те на них руками машут, не понимаем, мол. И крючочками пальчиков перед носиками своими маячат – это по-глухонемому: «Фу, плохо говоришь!» Инспектора так

и взвились – как так? Как это, мы плохо говорим? Ну, и уволили Ниниш в одночасье за ее красивую французскую картавость. С одной стороны, конечно, правильно... Потом дети не разберут фонетически грамотной речи. А с другой... Ну, где такую учительницу, слепо преданную делу, как Ниниш мы теперь возьмем, а? К нам же не идет никто, детишек наших боятся. Потому и не могу я дома поболеть, не хватает педагогов! Эх, только б не ко мне сегодня комиссия!

Однако, на каждом уроке дрожу – вдруг придут! А на переменках наши передают друг другу шёпотом, где бродят сейчас инспектора. Арочка, математик Ариадна Андреевна, недавно видела их в столовой. Говорит, вроде сидели довольные – понравилась пшенная каша с молоком. Рыбий жир сами ребятам сегодня давали, у нас принято каждому в обед ложку поднадзорно скормить, хоть и капризничают они. Но доктора тверды – слишком в двадцатых наголодались, нужно здоровье укреплять. Эдуард Наумович, историк наш, удостоился посещения. Хорошо, не начал про Египет свой любимый, а то бы комиссия про навозных жуков – скарабеев, так полюбившихся детишкам, наслушалась бы всласть. И неизвестно, что бы сделали потом с нашим египтологом. Он ведь, большая умница, его сам профессор Ипатьев, известный востоковед, брал аспирантом. А Эдуард Наумович к нам пришел. Учителем. Недаром папа утверждает, что педагог – это одно из самых сильных призваний. Если есть к этому делу склонность и мечта – ничто не остановит. Эдуард Наумович за месяц выучил язык глухонемых, когда узнал, что в нашем училище историк требуется. Три года уже у нас учителем, а когда только поступил – смешной казус с ним приключился. Детки в тот день с истории ко мне пришли – руками машут, обсуждают, видно, зацепил он их чем-то. О чем, спрашиваю, рассказывал вам новый учитель. Мычат неразборчиво, так всегда, когда очень возбужденные, слова за мыслями не поспевают. Наконец Лёля – пальцами, на немом: «Про майского жука!» Удивляюсь: «Вы ж на истории были, а не на зоологии? При чем тут майский жук?» Тут Сережа вырывается вперед, отталкивая Лёлю. Замахал руками на нее, мол, глупости говоришь, отойди! Сережа – слабослышащий и говорящий. Он очень старательный, всегда пытается слова внятно произносить, хоть и трудно ему – врожденная «волчья пасть» – небо раздвоенное, мягкое, получается, словно каша во рту.

– Не майский жук! А другой. Навозный! Очень полезный жук! Человек насерит, а жук убирает!!!!

Сережа был страшно доволен, что сказал такую длинную фразу. Повторил, однако, на немом для всех. Другие кивают согласно, правда, мол, полезный жук! Говно на дороге валяется, а жук в шарики скатывает и убирает!

Вот, думаю и «история»! Вот вам и профессор-египтолог! Нет уж, придется разобраться с этим жуком – Эдуардом Наумовичем. Нашел, про что на уроке детям рассказывать! Про навозных жуков! Ну, при чем тут навозные жуки? Но, потом подружился мы и часто вспоминали эту забавную историю. А с жуком дело вскоре прояснилось: навозный жук – скарабей – один из главных Египетских символов.

Но сегодня инспекторам, по счастью, достался урок по Древней культуре Греции. Так что прослушали все дружно историю про Медузу Горгону! И все были довольны, слава Богу. Потом ребята еще два урока шипели, змей изображая, которые вместо волос на голове Медузы живут, ну это ладно, главное товарищей проверяющих не рассердить.

Вот и день к концу, вроде все спокойно, повезло в этом году, не злая комиссия, лояльная. И шёпоток по классам – уехали! А тут как раз и переменка! Стоим в коридорчике, обсуждаем. Вдруг, уборщица наша, тетя Клава к нам подходит, а сама – белее снега. Что, говорим, случилось, тетя Клава? Неужто, укорили тебя? А тетя Клава-то прежде в реанимации служила. Такой чистоты как она в училище держит – ни в каждой больнице найдешь. «Да, – отвечает тетя Клава, – подсурили ваши воспитаннички. Чуть сердце мое не оборвалось в одночасье».

– Что ж такое произошло, Клавдия, Пантелеймонова? Вы уж скажите нам, не томите!

– Перед комиссией отдраила я школу на совесть, да, небось, сами все видели, не вру ведь, а?

– Да что вы, тетя Клава! Да такой чистоты мало где увидишь, а нынче-то и подавно!

– Ну, правда, ведь действительно... Особенно ватерклозеты я тщательно помыла. Думаю, вот пойдет кто из инспекции по малой, а то и по большой нужде! Ну, а мне не стыдно будет. Не хуже чем в ихнем Париже!

Тут мы все рассмеялись. Любит Клавдия Пантелеймоновна на Париж сослаться, в котором не бывала никогда. А она тем временем продолжала.

– Но вышло-то не так. Вся комиссия, как один, решила по туалетам пройтись, проверить как там с санитарией. И меня с собой зовут, при нас ответ держать будешь, мол, ежели что. Ну, я спокойно с ними и пошла – знаю же, что у меня все в лучшем виде намыто. Два этажа прошли, где старшие ребята занимаются – инспектора не нахвалятся. Не к чему придраться. Даже зеркальцем светили под ободками унитазов. А на третьем этаже, где малыши – конфуз случился!

– Да что ж там такое могло быть, тетя Клава? Накурил кто в туалете?

– Если б накурил, тогда б ладно... Куча огромная, на полу, прямо около раковин лежит! Свежая, видно! А смердит – жуть!

– Ах ты, Господи, да неужто???

– Да уж... Комиссия-то как вошла, так столбом и стоит. И молчат. От вони кто платочком, кто руками носы укрывают, но не уходят. Все, думаю, еще за счастье, если на улицу в одночасье вышвырнут! А ежели – «вредительство» заподозрят... Тут сердце у меня и оборвалось.

– А что председатель-то? Что сказал?? Господи, да вам-то еще ничего, а завучу-то... Тут и сухари не помогут, ежели решат что «вредительство»...

– А председатель, получается – святой человек. Из «бывших», видно, скрывает только. У меня глаз-то наметанный. Скромный такой, в шляпе и очках. Ни слова до этого не произнес, а тут, как молчание-то затянулось, он и говорит: «Завидую я этому человеку!» А потом, как ни в чем не бывало: «Пойдемте дальше, товарищи, обедать пора!» Так они все враз повернулись и ушли.

– Вот уж и впрямь, святой человек! Как думаете, не донесет?

– Нет. Такой не станет доносами себя пачкать. Да и за что? Больные ж дети-то. У половины головки-то сумеречные, Господи, прости ты их душеньки грешные, страдальцев.

Сухая ветка **(литературная версия сценария фильма «Училка»)**

- Если меня кто-нибудь ударит, что я должен делать?*
- Если на тебя с дерева упадет сухая ветка и ударит тебя, что ты будешь делать?*
- Что я буду делать? Это же простая случайность, совпадение, что я оказался под деревом, когда с него упала ветка.*
- Так делай то же самое. Кто-то был безумен, разгневан и ударил тебя – это все равно, что ветка с дерева упала на твою голову. Пусть это не тревожит тебя, иди своим путем, будто ничего не случилось.*

Беседа Будды с учеником

Саженец

– Итак, ребята, кто знает ответ? Ну, смелее, смелее! Не вижу ваших рук!

Пожилая подтянутая седовласая учительница улыбается, глядя поверх Аллочкиной головы в самые глубины класса. Аллочка машет рукой буквально у самого ее лица, но историчка все высматривает кого-то на задних партах. «Ну, спроси, спроси же меня, я же знаю, я же все выучила...» – досадует Аллочка про себя, подпрыгивая на жестком деревянном сидении.

– К доске пойдет....

– Я, я, ну, я же! – Аллочка из последних сил тянет руку вверх, но внезапно и оскорбительно громко слух разрывает школьный звонок, возвещающий начало перемены.

– Ну, Марья Петровна, ну, почему-у-у???

Досада душит, сжимая горло, не дает дышать, Аллочка чувствует, как слезы обиды наворачиваются на глаза, сердце останавливается и становится трудно дышать, а звонок все трезвонит – так яростно, так нагло, лишая последней надежды... Аллочка делает глубокий вздох, рывок из мутной темноты, застилающей глаза, и... просыпается в слезах. На тумбочке у кровати звенит, сотрясаясь от возмущения, допотопный будильник.

Некоторое время Аллочка, ничего не понимая, смотрит в пожелтевший от времени потолок, затем поворачивается на постели и резким движением бьет рукой по будильнику, выключая его. Звон смолкает, наступает оглушительная тишина, слышно лишь как тикают часы-ходики на стене, немилосердно отмеряя секунды утекающей жизни. На часах – шесть двадцать девять. За окном еще темно. Одна мысль о том, что нужно встать и идти в школу, параличом приковывает Аллочку к постели. А как бежала она туда сорок лет назад, когда была ученицей, отличницей! Сколько радости доставляло ей каждое утро! А теперь – не хочется. Ни за что не хочется. Теперь она – учительница. Алла Николаевна. А точнее – «училка». Больная, старая, потерявшаяся... Предательские слезы снова у глаз, и Алла Николаевна резко отбрасывает одеяло, рывком садясь на кровати. Наскоро проглотив приготовленные с вечера на прикроватной тумбочке лекарства, учительница встает и бредет на кухню, готовить незатейливый завтрак. Водрузив на нос старомодные очки, и привычно ткнув пультом в сторону висящего на стене телевизора, она возится у плиты, под бормотание диктора программы утренних новостей: «Как сообщают наши корреспонденты, американское правительство прислало запрос в Москву на назначение в посольство РФ Джона Теффта. Что может значить это для России? Экспертный совет сообщает, что ничего хорошего это назначение нам не несет!»

Возмущенная услышанным, Алла Николаевна выплескивает на теледиктора весь свой гнев, накопившийся за ночь: «И что ж это они нашу страну никак в покое не оставят? Все неймется...»

Однако диктор телевизионного эфира – тертый калач, он и бровью не ведет, а продолжает, как ни в чем не бывало: «Но, как считают специалисты, к его назначению нужно относиться спокойно. Если он – автор цветных революций в Грузии и на Украине, то пусть знает, что в России почвы для подобных эксцессов нет!»

Алла Николаевна, которой уже надо бы и поспешить, зависает у телевизора, словно кролик, очарованный удавом, и ввязывается в спор: «А откуда же тогда „либерасты“ на Болотной?»

– Будем надеяться, что Теффт не будет повторять ошибок своего предшественника и призывать наш народ выходить на улицы. Иван Соколов, Ольга Парфенова из Вашингтона, специально для Первого канала – заканчивает свою тираду диктор, никак не реагируя на слова оппонента.

Алла Николаевна скептически качает головой и криво усмехается – все врут, все, все...

– Вашими устами бы, Иван Соколов да мед пить... От такого как это Теффт, что хочешь можно ждать...

Продолжая ворчать, учительница наспех завтракает кашей и бутербродами, суетливо глотая обжигающий кофе. Затем наскоро одевается, и, едва тронув бледной помадой морщинистые губы, закладывает в бездонную учительскую сумку кипу ученических тетрадей. Со стен на нее безмолвно взирают фотографии – цветные и черно-белые, очень старые и совсем новые, где целые классы стоят по струнке, плечом к плечу, взирая в объектив серьезными, доверчивыми глазами, какие бывают лишь у школьников, еще не знающих, насколько обманчива и коварна реальная жизнь. Марья Петровна – учительница из сна – также присутствует в этой галереи памяти. Алла Николаевна долго и грустно смотрит на нее. «Эх, мама, мама, как же мне теперь...» – проносится в ее голове, но тут голос теледиктора вновь привлекает ее внимание: «А теперь новости Министерства образования. Как известно, каждый педагог должен регулярно проходить аттестацию для подтверждения уровня своего профессионализма... Новый порядок предусматривает два вида аттестации: обязательную и добровольную».

Алла Николаевна, словно испуганный мотылек мечется из комнаты в коридор и снова в комнату – за сумкой, торопливо набросив пальто, начинает натягивать сапоги. О господи, Агнесса сегодня насмерть сгрызет... Вот, вырастила же на свою голову...

Схватив сумку, учительница устремляется вниз по лестнице.

Забывший в спешке телевизор мигает всевидящим оком. Передача про аттестацию учителей сменяется программой о животных. Смешной толстощекий хомячок, поблескивая бусинками глазенок, увлеченно жует овсяные зернышки в уютной клетке с беговым колесом. Внезапно рядом появляется кот. Он подбирается крадучись и, приблизив хищный нос к прутьям клетки, глядит неотрывно прямо в глаза хомячку. Грызун в панике бросает еду и прячется в колесе. Он изо всех сил пытается убежать от кота, накручивая колесо своими крошечными лапками все быстрее, быстрее. А кот пристально следит за ним фосфоресцирующими глазами, и хвост его ходит ходуном от нетерпения.

Утро. 08:15

На улице зябко, но Алла Николаевна будто не замечает мороза. Спеша вдоль заснеженной улицы, она репетирует про себя грядущий и очень неприятный разговор с директором школы. Губы ее шевелятся, и пожилая женщина, идущая навстречу, подозрительно приглядывается, затем, видимо заподозрив душевную болезнь, осуждающе покачав головой, обходит учительницу стороной. «Послушайте, Агнесса Андреевна! Я потомственный педагог с тридцатилетним стажем... Нет, с этого начинать нельзя... Она и так знает... Агнесса Андреевна! Я еще не дописала отчет, но завтра – точно... Ох! Черт бы побрал эту переаттестацию...»

Почва

Молодая и хорошенькая директриса Агнесса Андреевна вышагивает точеными ножками по школьному коридору, постукивает каблучками, повергая в сладостный трепет мальчишек средней и старшей школы. Замерев, они смотрят ей вслед и завидуют сами себе. Ради эдакой красоты не жалко время на школу тратить. Вслед за Агнессой спешит ее верный секретарь – старушка Лия Павловна с неизменной толстенной папкой документов подмышкой. Она говорит, не умолкая, параллельно подсовывая бумаги начальнице на подпись.

– Агнесса Андреевна, вот тут еще нужно... И необходимо сегодня решить, кого отправить на районный смотр патриотической песни.

– У нас успеваемость летит в пропасть, не до песен... Прямо не знаю, какие тут песни...

– Патриотические, Агнесса Андреевна...

– Ох, да уж ясно, что участвовать придется... А знаете что, Лия Павловна? Пусть-ка Наталья Петровна про эти песни решает. Она же музыку ведет.

– Я ей, конечно, передам, но представляю, что я услышу насчет дополнительной нагрузки...

– Да ладно вам. Покричит-покричит, да сделает.

Лия Павловна молча поджимает губы, вселенская скорбь отражается в ее глазах. На ее лице можно ясно прочесть: «Ну, да, не на вас кричать-то будет «музичка»... А мне что делать? Все терпи, терпи...». Вслух же Лия Павловна произносит: «Хорошо, Агнесса Андреевна! Все сделаем. А может, чайку сейчас попьем? С конфеточками? Я вкусненьких купила!»

– Чайку попозже. Сейчас ходим в вестибюль к доске почета, там мне кое-кого нужно добавить... И, кстати, что у нас там, Лия Павловна, по аттестации?

– Почти готово, Агнесса Андреевна! Все учителя документы сдали, кроме нашей Аллочка Николаевны...

Утро. 08:30

У школы Аллу Николаевну захлестывает привычный водоворот бегущих, кричащих, вертлявых детских тел. Из пестрой толпы периодически слышится на разные голоса: «Здрасти, Алл Никлавна...». Учительница не пытается идентифицировать кричащего, она лишь рассеянно кивает направо и налево. Визг тормозов за спиной резко выводит ее из задумчивости, Алла Николаевна в страхе оборачивается.

– О господи! Кто ж так носится, ведь дети же...

Из недр шикарного авто, круто затормозившего прямо у школьного крыльца, выбирается Илья Раздоров – красавец по кличке «Мачо», в которого влюблены все девчонки старшей и особенно младшей школы. Из окна автомобиля высовывается рука в дорогой кожаной перчатке, за ней показывается розовошее безвозрастное лицо модного «хипстера».

– Мой дорогой, это было просто прекрасно! Отлично! Надеюсь, у нас все-все сложится и дальше! До вечера!

Мачо улыбается «голливудской» улыбкой и дружески жмет «хипстеру» обе руки, затем закидывает рюкзак за плечо и плавно, с достоинством, несет себя по направлению к школе. Машина рвет с места, победно ревя, и оглашая окрестности гимном, посвященным личному успеху хозяев жизни.

Алла Николаевна берет за ручку школьной двери, но отлетает, чуть не упав – навстречу ей выбегает парень и несет прочь от школы, не разбирая дороги.

– Да что ж это сегодня творится, а!? Зимнее обострение? Дети же здесь!!!

Учительница наклоняется, чтобы поднять свою сумку и слышит над собой вкрадчивый вежливый голос.

– Доброе утро! Вам помочь?

Мачо со своей фирменной улыбкой смотрит на учительницу сверху вниз.

– Что? А? А... Нет, спасибо, Раздоров... Иди на урок...

– Вы в порядке? Точно?

– Точно. Точнее не бывает. Иди, Раздоров.

Мачо исчезает в школе. Алла Николаевна внутренне собирается и решительно берет за ручку школьной двери.

Водоворот

В школьном вестибюле учительницу встречает привычная суета. Малыши гоняются друг за другом с криками и визгом, пронырливо мелькая между важными старшеклассниками. Кто-то обсуждает последние школьные новости, кто-то старательно списывает, кто-то торопливо переодевает «сменку», девчонки шепчутся и хихикают, поглядывая на мальчиков, старающихся быть равнодушными и похожими на супергероев. Пробираясь сквозь детское море, Алла Николаевна медленно продвигается к учительской раздевалке. Внезапно до ее ушей доносится голос директрисы, Агнессы Андреевны. Алла Николаевна замирает на полпути, стоя среди орущей и бегающей вокруг нее малышни, словно цапля в пруду среди лягушат. Она вытягивает шею, пытаясь прислушаться к разговору в глубине вестибюля. Рядом с большой доской почета, украшенной фотографиями учителей, что-то обсуждают Агнесса Андреевна, Лия Павловна и математичка Любовь Сергеевна Баранова. Агнесса Андреевна жестикулирует, в попытках пристроить еще одно фото, однако места не хватает. Агнесса размахивает фотографией, прикладывая ее к разным уровням доски, затем досадливо морщится.

– Лия Павловна! Нужно сказать завхозу, чтоб прибил еще пару-тройку крючков. Завтра в школу приходит новый учитель, а места для него нет...

Директриса решительным движением снимает с доски фото Аллы Николаевны и, заменив его, любителю результатом. Удовлетворившись, она кивает. Алла Николаевна, тщетно

пытается разобрать ее слова, но шум вестибюля мешает ей. Грустно наблюдая за действиями Агнессы Андреевны, учительница разочарованно качает головой и горько усмехается.

– Лия Павловна, чтоб завтра, ладно? И вернем сразу Аллочку Николаевну на ее место. А пока – пусть так.

Агнесса Андреевна, махнув рукой в сторону фотографий, поворачивается на каблуках и решительно выходит из вестибюля. За ней семенит верный оруженосец – Лия Павловна. Математичка Баранова, оставшись в одиночестве, строго оглядывает свои владения, готовясь призвать к порядку нарушителей спокойствия, и в этот же момент встречается глазами с Аллой Николаевной, стоящей словно столб. Чувствуя ужасное неудобство от произошедшего, Любовь Сергеевна натянуто улыбается и приветственно машет рукой. Алла Николаевна сухо кивает и скрывается в учительской раздевалке.

– Алла Николаевна! Подождите меня! Да постойте же!

Любовь Сергеевна пробирается вслед за историчкой, бормоча про себя: «Ой, как неудобно-то получилось! Алла же черт знает что сейчас себе надумает! И так в последнее время она сама не своя, а тут еще это...» Существенный толчок, едва не сбивший Баранову с ног, возвращает ее к вестибюльной действительности. Возмущенно обернувшись, Любовь Сергеевна видит картину неумной детской ревности: старшеклассница в ярости лупит своего бойфренда, угрожающе наступая на него.

– Я знаю, ты вчера с этой крысой Егоркиной в кино тусил, а мне наврал!

Удары сумкой по бедовой мальчишеской голове.

– Ир, ну ты что? С какой нахрен Егоркиной? Нужна она мне... – вяло защищается парень, увертываясь.

Любовь Сергеевна отмирает и решительно хватает девчонку за руку.

– Соколова! Ты что? Обалдела совсем? А ну-ка все, затихла как паинька. Дай сумку сюда. Придешь ко мне на перемене орудие мести забирать! И поговорим. А сейчас – марш на урок, оба!

С этими словами Баранова отбирает у девушки орудие экзекуции и собирается направиться к себе в класс, но Соколова, канюча, преграждает ей дорогу.

– Ну, Любовь Сергеевна, чо я-то? Сумку дайте! Там же учебники! У нас история сейчас, училка меня сгрызет!

Любовь Сергеевна, пыша праведным гневом, раздражается резкой отповедью, словно зывая к самим небесам.

– Не «училка», а Алла Николаевна! Да вы что, совсем совесть потеряли? Вот и пусть она тебя сгрызет, так тебе и надо. Марш отсюда, дорогие дети. Что встали? Марш отсюда, я сказала!

Девушка начинает обиженно сопеть, но ее бойфренд ни капли не смущен. Обняв свою тигрицу ласково за плечи, он уводит ее из вестибюля и шутливо приговаривает, имитируя интонации Владимира Высоцкого.

– Вор должен сидеть в тюрьме! Я сказал!

Любовь Сергеевна оборачивается в поисках Аллы Николаевны, но той нигде не видно. Зато другая картина привлекает внимание математички. У входных дверей сидит охранник, вокруг него с криками и гиканьем носится школьная мелкота, но он никак не реагирует на окружающий шум и ор – он попросту спит. Любовь Сергеевна тихонько подходит к охраннику и трясет его за плечо.

– Иван Петрович?

Однако реакции никакой не следует. Любовь Петровна в праведном гневе, уперев руки в бока, возмущенно нависает над безгрешно спящим охранником.

– Иван Петрович! Драка!

Иван Петрович, не открывая глаз, отвечает командным шепотом.

– А ну-ка! Прекратить сейчас же! Сявки, цыц! А не то...

После этой тирады он снова погружается в праведный сон, сопя и причмокивая. Не веря своим глазам, Любовь Сергеевна некоторое время пепелит его взглядом, но, поняв, что земля под грешником не разверзнется, разворачивается и, словно фурия, вылетает из вестибюля.

Утро. 08:45

В учительской привычно пахнет мелом, бумажной пылью и шоколадом, до которого так охочи педагоги в короткие минуты перемен. Учителя, ловя последние минутки перед уроком, перебрасываются анекдотами и дежурными школьными шутками. Алла Николаевна, стараясь быть незаметной, вяло возится у окна, вытаскивая из бездонной сумки из сумки ежедневник, толстую пачку тетрадей, косметичку, носовой платок, авторучку... Чужой смех ударяет Аллу Николаевну в спину – и знает, что не о ней, но вздрагивает – нервы совсем ни к черту....

Лишь громогласное явление физрука заставляет историчку обернуться.

– Мне одному показалось или Иван Петрович у нас под мухой?

Физрук выразительно щелкает пальцами у себя под подбородком, и радостно смеется, сверкая всеми своими тридцатью двумя отбеленными зубами и картинно поигрывая мускулами.

– Так чего делать будем? Надо Агнесе сказать про него! Это ж не педагогично – бухим при детях спать! Эй, Ракитина, хорошо, что зашла! Ты в курсе, что у тебя с козлом проблемы?

Последние слова физрука адресованы к невзрачной старшекласснице, заглянувшей в учительскую. Вежливо поздоровавшись, девушка направляется к историчке.

– Алла Николаевна, что помочь?

– Так... Журнал... Тетради... Дотащишь?

– Конечно, Алла Николаевна!

– Ракитина, про козла не забудь!

– Да, да, Игорь Львович, как кончится освобождение, так я сразу...

– Пересдача, Ракитина! Готовься. И с конем у тебя тоже не сложилось!

Ракитина поспешно ретируется, нагруженная тетрадями, а физрук задумчиво провожает ее взглядом.

– Однако, тенденция. Как отличница – так вечные освобождения от физры. Ну, и видок – соответствующий. Ножки – «как у козы рожки»...

Кокетливая юная биологичка фыркает в ладошку. А возмущенная такой фамильярностью Алла Николаевна открывает рот, чтобы дать физруку достойный отпор от лица всех отличниц, но внезапно рядом с ней оказывается завуч Лия Павловна и вещает заговорщицким шепотом: «Аллочка Николавна... Агнессочка Андревна просила вас зайти перед уроком...»

Алла Николаевна напряженно смотрит на Лию Павловну сквозь очки взглядом побитой собаки.

– Лия Павловна... А может... После урока, а? А то – сложная тема...

– Аллочка Николаевна, мое дело – передать...

Лия Павловна повышает голос и Алла Николаевна, которой не хочется, чтобы их разговор услышали коллеги, быстро и согласно кивает.

– Хорошо... Хорошо! Я сейчас...

Завязь

В ожидании начала урока истории, одиннадцатый класс проживает маленькую утреннюю жизнь. Как ценна для любого школьника каждая минутка до звонка! За это время можно успеть проделать массу интересных вещей: написать невыполненное задание, обменяться рецептами шарлоток, обсудить преимущества и недостатки ВУЗов, изучить сайт с платьями для «выпускного»... Да мало ли что еще важного найдется! Все действия, помыслы, идеи и мечты значимы и уникальны для человека в школьном возрасте! Каждый день происходит открытие чего-то нового, даже когда часы текут по привычному руслу. Сегодня Олег Зеленцов по кличке «Зеленка» притащил в класс новый гламурный журнал с умопомрачительными фотками дев-

чонок. Его моментально окружают приятели – Саня Шиловский и Витька Гусько и таинство приобщения к красоте начинается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.